

На следующий день пригласили мастера, который заявил, будто старого Чэня одолели злые духи, и достаточно провести обряд, чтобы всё прошло.

И действительно, до самой полуночи третьего дня всё было спокойно. Однако во второй половине ночи, когда все потеряли бдительность, старый Чэнь внезапно зарыдал.

Чэнь Фэн, вспомнив признаки одержимости, о которых говорил старик, связал его пеньковой веревкой и заткнул рот.

Сначала это помогало, но чем дальше, тем больше сил становилось у старого Чэня.

К тому же, с кляпом во рту он перестал дышать носом. Даже когда лицо его становилось багровым от удушья, он не делал вдоха. Чэнь Фэну пришлось вынуть кляп, и как только рот освободился, раздался невыносимо резкий плач — пронзительные звуки, которые никак не вязались с хриплым голосом старого Чэня.

Он извивался на полу, пытаясь выбраться из пут, и постоянно полз в сторону выхода.

Чэнь Фэн, зажав уши, приказал людям намертво заблокировать дверь и позвал нескольких крепких мужчин, чтобы те держали старика и не давали ему сбежать.

Мастер, приглашенный для обряда, с момента приступа старого Чэня непрерывно что-то бормотал, совершая странные пассы, а под пристальным взглядом Чэнь Фэна с его лица градом катился пот.

Постепенно рассвело. Сопротивление старого Чэня слабело, он перестал плакать, дыхание выравнилось. Когда все решили, что старик пошел на поправку, он внезапно испустил дух.

Чэнь Фэн велел вынести тело во двор. Осмотрев покойного, он не нашел ни внешних повреждений, ни следов удушья. Лицо старика застыло в выражении глубочайшей скорби и вины.

С первого взгляда казалось, будто он только что оплакивал потерю близкого человека.

Чэнь Фэн поднялся, посмотрел на труп и вздохнул:

— Готовьтесь к похоронам.

Затем он указал пальцем на мастера. Тот поспешно вытер пот и подбежал с извинениями, лепеча, что его мастерства не хватило, но он готов заняться погребением, чтобы покойный больше не тревожил живых.

Чэнь Фэн ничего не ответил, лишь указал на него пальцем и бросил:

— И для него тоже всё подготовьте.

После этого он развернулся и ушел, не оглядываясь.

Когда с похоронами было покончено, работники начали шуметь, требуя отправиться в деревню Ситоу, чтобы разобраться с семьей Ма. Чэнь Фэн понимал: на самом деле они хотят найти вход в пещеру и добраться до сокровищ.

Для людей их ремесла риск и смерть — обычное дело. Ради могилы с неясным доходом они готовы были рискнуть, а уж ради пещеры, где точно спрятаны сундуки с ценностями — тем более. Смерть старого Чэня не заставила их отступить.

Все видели, что случилось в пещере и какова участь старого Чэня, поэтому Чэнь Фэн не стал препятствовать. Если им удастся вынести сокровища, Цзиньюйтан получит свою долю. Если нет — он просто потеряет несколько работников.

Вскоре А-Фу с отрядом отправился в деревню Ситоу. Они без труда нашли дом семьи Ма — там как раз справляли похороны.

Увидев, что во дворе полно народу, А-Фу велел позвать семью Ма. Когда жена и сын Ма Саня вышли, они увидели семерых или восьмерых крепких мужчин, и их лица, и без того бледные от горя, стали совсем белыми.

— Старый Чэнь умер, — прямо сказал А-Фу, не дожидаясь их вопросов.

Оба застыли, похолодев от ужаса, и не смогли вымолвить ни слова.

— Хм, — А-Фу насмешливо оглядел их жалкий вид и спросил: — Похороны уже идут, тело Ма Саня нашли?

Жена Ма Саня пришла в себя и криво усмехнулась:

— Нет. После того как старый Чэнь... ушел, я еще полдня караулила у входа в пещеру, но старый Ма так и не вышел. Это похороны моей матери.

Может, это была материнская интуиция, а может, она почувствовала недоброе, но в тот день, когда она ушла в горы, прибежал сын и сказал, что бабушка скончалась. Пришлось вернуться, чтобы организовать погребение.

А-Фу кивнул и указал на сына Ма Саня:

— Пусть он покажет дорогу. Сходим еще раз, может, удастся притащить Ма Саня обратно.

Жена Ма Саня затрясла головой, пряча сына за спину:

— Господа, мой сын еще мал и ничего не смыслит. Я знаю, где пещера, я сама вас отведу!

— От тебя толку как от козла молока! Ты от ветра падаешь. Пойдет сын, а про дело старого Чэня я с тобой больше не спору, — отрезал А-Фу. Им по пути нужно было выведать детали о пещере.

Видя, как мать дрожит за сына, он добавил:

— Ладно, в самую пещеру он не полезет. Здоровый парень, а прячется за маминой юбкой, слова сказать боится — мне такой обузой в пещере не нужен.

Сын Ма Саня не обиделся на брань, лишь прошептал матери, чтобы она не волновалась, и пошел с ними.

— О том, что произошло дальше, мы не знаем. Как только вошли в пещеру, связь пропала, и никто из них не вернулся живым.

Чэнь Фэн закурил, сделал пару затяжек и продолжил:

— Вскоре после того, как мы вошли в горы, сын Ма Саня вернулся домой. Я посылал людей проверить — он действительно довел их до входа, и его отпустили. Что случилось внутри, он не знает.

Я дорожу своей жизнью и не хочу лезть в ту дыру, но братья не могли вот так бесследно исчезнуть. Нужно было дать ответ их семьям. Я нанимал других людей, платил им, чтобы они вынесли тела. Я честно предупреждал их об опасности, но результат один: проклятая пещера, никто не возвращается.

Позже я перестал посылать людей и наложил запрет, но разве остановишь тех, кто ищет смерти? — Чэнь Фэн многозначительно посмотрел на Ли Няня. — Если кто-то хочет разбогатеть, я не могу завалить вход камнями. Я не чиновник, чтобы лезть в чужие дела. В любом случае, все, кто заходил туда после, либо не возвращались, либо выходили, а потом с воплями бежали обратно и исчезали навсегда. Позже они прозвали это место Пещерой призрачного плача.

Лицо Ли Няня позеленело. На самом деле он наводил справки, но никто не мог толком

объяснить, в чем проблема, а тот человек по фамилии Цинь привез с собой странного мастера, поэтому Ли Нянь не придавал значения слухам. Тем более, что они-то вышли благополучно.

— Этот Цинь из Сычуани, верно? Еще в прошлом году он крутился в деревне Ситоу. По приезде он одарил подарками всех влиятельных людей в Лунчуани, — Чэнь Фэн приподнял бровь, глядя на Ли Няня. Увидев, как тот натянуто улыбается своим пухлым лицом, он брезгливо отвел взгляд. — На людях он торговал лесом, но кто же не знал, что он охотится за Пещерой призраков?

Сначала он возился там больше месяца, погибло человек двадцать-тридцать, а потом внезапно уехал. Я думал, он сдался, а оказалось, он искал новых смертников.

Чэнь Фэн держал сигарету в правой руке, затянулся и с презрением указал на Ли Няня:

— Ты думаешь, он искал именно тебя? Да черт возьми, только ты один и клюнул! Стоило ему заикнуться о сокровищах, как ты тут же примчался. Вот какой ты молодец.

Ли Нянь слушал насмешки Чэнь Фэна, сидя с потухшим видом:

— Это подлецы ослепили меня.

— ...

Чэнь Фэн лишился дара речи.

Не желая больше тратить на него время, он сказал У Вану:

— Этот Цинь до сих пор заперт у меня на лесопилке в деревне Ситоу.

У Ван кивнул. Он внимательно слушал рассказ, мысленно связывая факты воедино. Дождавшись тишины, он спросил Ли Няня:

— Дядя Ли, теперь вы можете рассказать, что именно вы делали в пещере?

Ли Нянь кивнул:

— Цинь обманом заманил меня и торопил войти. Я взял людей, и мы вошли. Пещера действительно странная, но не такая, как описывал Ма Сань. Довольно просторная, особенно стены — они были украшены резьбой. Сейчас я понимаю, что это, вероятно, привел в порядок Цинь.

С первого же слова У Ван понял: правды в этом рассказе мало, всё изрядно приукрашено.

— С Цинем была девушка из народа дай, красивая, но молчаливая. Он говорил, что она немного разбирается в таких вещах. Мы вошли вместе.

— Говорили, что это пещера, но на самом деле это была гробница! — Ли Нянь понизил голос, пытаясь напустить таинственности, но, кроме нескольких работников, все остальные уже догадались об этом, поэтому он смущенно продолжил. — Шли по коридору, попали в ловушку. Для нас это было просто, и Ма Сань оказался удачлив — сразу нашел вещь, хотя место, где он ее взял, было всего лишь хранилищем погребальной утвари.

Мы без особого труда добрались до главной погребальной камеры. Сначала там было жутко, действительно кто-то плакал. Но я провел обряд упокоения, и плач стих, больше ничего необычного не происходило.

У Ван с недоумением спросил:

— Дядя Ли, вы не вскрывали гроб? И вещи не вынесли?

Ли Нянь ранее упоминал, что товар остался в пещере.

Ли Нянь неловко рассмеялся:

— Собирались вскрыть, но Цинь сказал, что уже поздно, все устали после дороги и обрядов, решили вернуться на следующий день.

На самом деле, Цинь просто обхаживал его, подсовывал разные безделушки и вскружил голову.

У Ван удивленно посмотрел на Ли Няня, тот кашлянул и сменил тему:

— А потом, когда мы ели, нас окружили люди Чэнь Фэна. Я решил, что они пришли грабить, и мы вступили в конфликт. Сейчас думаю — простите меня, Чэнь.

Чэнь Фэн не стал церемониться:

— Не за что извиняться. Мои люди не пострадали, лучше извинись перед своими работниками.

— ...

Ли Нянь замолчал.

У Ван, видя, что разговор подходит к концу, спросил Чэнь Фэна:

— Дядя Чэнь, пусть работники, дежурившие в ту ночь, расскажут, как всё было.

Чэнь Фэн кивнул. Двое работников вышли и сели сбоку:

— На самом деле, с прошлого года о странностях тех, кто выходил из пещеры, мы слышали только со слов других. Сами не видели — некоторые братья даже не успевали выйти из пещеры. Но в ту ночь мы видели всё своими глазами. Это было жутко! — они оба вздрогнули.

— Сначала слышался плач, прерывистый, тихий. Мы думали, слышалось. Но потом плач стал громче, его было отчетливо слышно даже издалека. Будто кто-то кричал во весь голос.

Один работник закончил, второй продолжил:

— Сначала мы не лезли, мало ли, вдруг кто-то просто плачет. Но они были так долго, что мы испугались, как бы они не умерли от истощения, и открыли дверь.

Как только дверь открылась, они даже не стали говорить, что случилось, а просто бросились бежать. Сила у них была невероятная! Если бы в день нашего конфликта они так дрались, мы бы их точно не удержали.

Они покосились на Ли Няня:

— Мы гнались за ними всю ночь, до самого леса, а потом потеряли след. Вернулись к хозяину, сопоставили факты и решили, что они ушли в Пещеру призраков.

Ли Нянь больше не мог улыбаться. Неужели Чэнь Фэн не учил их манерам?!

И хотя след они потеряли, тот факт, что остался только один работник, который не бывал в пещере, подтверждал: всё это правда. Чэнь Фэн ведь сам не знал, кто из них заходил в пещеру, а кто нет.

— Дядя Чэнь, можно нам взглянуть на место, где вы их держали? — спросил У Ван, вставая.

— Хорошо, идемте.

Все перешли в помещение, где содержали «больных». У Ван оглядел эту роскошную «тюрьму».

Работник, дежуривший в ту ночь, указал на смотровое окошко в двери:

— Мы обычно передавали через него еду. В тот раз мы тоже сначала заглянули, но никто не ответил, и мы открыли дверь.

У Ван, прижимая к себе Гого, вошел в комнату. Он понял, почему работники могли только заглянуть в дверь: в этой камере, кроме двери с окошком и узких вентиляционных отверстий под потолком, не было никаких других выходов.

— Гав-гав-гав!

Как только они вошли, собачка начала громко лаять, скребя лапами воротник У Вана. Тот погладил ее, показывая, что всё понял.

Это была ши-тцу. Предки этой породы, лхасские апсо, содержались далай-ламами в Тибете и почитались местной знатью как воплощение священных существ, способных изгонять демонов.

Ши-тцу в питомнике У Лаогоу проходили специальную дрессировку, а эта собачка была лучшей из них, обладая обостренным чувством нечистой силы.

Реакция собаки ясно давала понять: это дело рук отнюдь не «человеческих».

<http://bllate.org/book/21354/2170938>